
Миссия ученого в «расколдованном» мире*

© 2019 г. Н.А. Касавина

*Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
МРОО «Русское общество истории и философии науки».*

E-mail: kasavina.na@yandex.ru

Поступила 14.05.2019

Сегодня, когда разочарование в культурном и общественном прогрессе после катастроф и потрясений XX в. все еще не преодолено, но при этом наметились новые способы осмысления роли науки в обществе и культуре, особенно актуальными оказываются вопросы о призвании ученого. Доклад М. Вебера «Наука как призвание и профессия» не теряет актуальности и сегодня. Это проблемное завещание мыслителя многим поколениям ученых. В нем содержится противоречивый призыв к ценностной нейтральности науки и констатируется неизбежность обращения ученого к «последним вопросам» существования. В статье рассматриваются проблемы призвания ученого, специализации и сущности науки, специфики научной деятельности, получившие освещение в докладе М. Вебера. Показано, что для осмысления экзистенциальной значимости науки Вебер обратился к основаниям нравственности, которые сформулировал Л. Толстой. Автор акцентирует внимание на ценностных основаниях научного знания и показывает, что они приобретают сегодня особое звучание в рамках междисциплинарных исследований. Вебер пытается вернуть науку к реальности, полагая, что это позволит ей размежеваться с религией и идеалистической философией. И эта мысль Вебера, как показано в статье, также актуальна сегодня, когда наука пытается выполнять свои познавательные функции, отграничиваясь от политических и экономических конъюнктур.

Ключевые слова: наука, научная деятельность, М. Вебер, Л. Толстой, междисциплинарность, специализация, наука как призвание.

DOI: 10.31857/S004287440005721-8

Цитирование: *Касавина Н.А.* Миссия ученого в «расколдованном мире» // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 28–32.

* Исследование выполнено по проекту РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Scientist's Mission in the Disenchanted World*

© 2019 г. Nadezhda A. Kasavina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; Russian Society for History and Philosophy of Science (RSHPS).

E-mail: kasavina.na@yandex.ru

Received 14.05.2019

Today, when disappointment in cultural and social progress after the disasters and upheavals of the 20th century has not yet been overcome, new ways of understanding the role of science in society and culture have emerged, and questions about the vocation of the scientist are particularly acute. The report by M. Weber "Science as a Vocation" does not lose its relevance today. This is a problem testament of a thinker to many generations of scientists. It contains a controversial call for the value neutrality of science and states the inevitability of the scientist's appeal to the "last questions" of existence. The article deals with the existential problems, that received problematic coverage in M. Weber's report: the vocation of a scientist, the specifics of his professional activity, the specialization and essence of science, the specifics of scientific activity, etc. It is shown that for understanding the existential significance of science, Weber turned to the foundations of morality, which were formulated by L. Tolstoy. The author focuses on the value bases of scientific knowledge, as Weber formulated them, and shows that they are acquiring a special meaning today in the framework of interdisciplinary research. Weber is trying to bring science back to reality, believing that it will allow it to disengage from religion and idealistic philosophy. And this idea of Weber, as shown in the article, is also relevant today, when science is trying to perform its cognitive functions, separating itself from political and economic conditions.

Key words: science, scientific activity, M. Weber, L. Tolstoy, interdisciplinarity, specialization, science as a vocation.

DOI: 10.31857/S004287440005721-8

Citation: Kasavina, Nadezhda A. (2019) 'Scientist's Mission in the Disenchanted World', *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2019), pp. 28–32.

Говоря о междисциплинарности и специализации как о проблемах науки, по своему актуальным в начале XX века, М. Вебер отмечает неизбежность вторжения исследователя не только в свою, но и в другие области знания, особенно в социологию, а шире – в гуманитарных науках, т.е. неизбежность междисциплинарных исследований. При этом он подчеркивает возможность получения впечатляющих результатов в четком дисциплинарном поле: «...отдельный индивид может создать в области науки что-либо завершённое только при условии строжайшей специализации...» [Вебер 1990, 708]. Из рассуждений Вебера следует, что междисциплинарное исследование по большей части носит разведывательный характер. В случае специализации могут быть получены конкретные и более осязаемые результаты, решены конкретные задачи. Такое представление Вебера отвечает тем принципам, которые он ставил в отношении социологии.

М. Вебер констатирует небывалый расцвет науки и техники в XIX в. (в чем-то оправдавший веру человека в разум и прогресс) и одновременно опасается, что этот

*The research was performed within the project supported by Russian Science Foundation № 19-18-00494 «The mission of the scientist in the modern world; science as profession and vocation».

прогресс не заведет человечество в новые тупики. Если говорить о связи науки и социального прогресса, что и делает Вебер, то этот акцент на растущей специализации и получении четких результатов понятен и логичен. Но Вебер понимает науку не только как стремление общества к прогрессу, к обустройству жизни. Он идет дальше, говоря о настоящей науке, науке, которая выше этого практического плана, которая затрагивает «последние вопросы». Поясняя эту задачу, М. Вебер обращается к Л.Н. Толстому, образно показывая, что наука помимо частных достижений должна стремиться к постижению и укреплению духовного содержания жизни человека и культуры. Подробно Вебер об этом не говорит, но здесь, на границе с этими вопросами, вряд ли он рекомендует науке оставаться в рамках строгой специализации. Скорее, она должна выходить за свои дисциплинарные и собственно научные пределы, конструируя модель человечности в контексте общего культурного гуманистического поиска.

Роль междисциплинарного исследования можно понимать как гуманизацию науки, сближение гуманитарных, естественных и технических наук с целью решения этих «последних» или экзистенциальных вопросов жизни человека, общества и культуры. Это действительно проблема для Вебера, который, говоря о судьбе эпохи, отмечает ее рационализацию и интеллектуализацию, идущую соразмерно с расколдовыванием мира, с уходом высших ценностей из общественной сферы [Вебер 1990, 733–734]. Акцент на специализации науки и обустройстве жизненного пространства человека в техническом аспекте может обернуться потерей ее человеческих ориентиров. В докладе можно усмотреть и предсказание Вебера об отдалении науки от человека и утрате ее ценностно-смыслового культурного горизонта. Наука может способствовать приближению к пониманию «последних вопросов» существования, выходя за дисциплинарные и собственно научные пределы в целях утверждения гуманистических культурных ценностей. Такой выход за пределы сциентизма осуществляют гуманитарные науки на этапе их неклассического развития, который можно интерпретировать как поворот к экзистенциальному содержанию жизненного мира человека.

Вебер ставит вопрос: в чем предназначение и ценность науки в расколдованном мире, когда рассеялись прежние иллюзии, благодаря которым наука выступала как «путь к истинному бытию и счастью»? Его ответ вполне актуален и сегодня: наука делает возможным реальное видение жизни. Она сыграла важнейшую роль в расколдовывании мира, и особенность современной культуры состоит в том, что человечество все отчетливее сознает свою судьбу, все в большей степени движется по пути самопознания и самопонимания. Возможно, в этом осознании и следующем за ним изменении культуры и есть миссия науки. «Я думаю, — полагал Вебер — что <...> человеку не пойдет на пользу, если и от него, и от других будут скрывать тот основной факт, что его судьба — жить в богочуждую, лишенную пророка эпоху — если это будут скрывать с помощью сурrogата, каким являются все подобные пророчества с кафедры» [Вебер 1990, 731]. Наука не должна брать на себя роль пророчества, сродни религиозному, скорее, она может дать человеку опору перед лицом сурового мира, не предлагая никакой неправдоподобной замены. Вебер подходит к этой проблеме, призывая социологию к исследованию реальных социальных фактов. И если во времена Вебера призыв к реальному видению звучал в контексте размежевания с религией и идеалистической философией, то сегодня этот призыв актуален для политики, экономики, массового сознания. Наука должна быть выше этих политических, производственных или иных прогрессивных мотивов, и тогда ее миссия как проводника культуры может состояться. Вебер прослеживает связь между смыслом науки и призыванием отдельного ученого. Он говорит о культурном и личностном смысле науки и призывает ученого помочь индивиду в осознании беспочвенности и поиске ответа о конечном смысле собственной деятельности. Тогда и наука, и индивид обращаются к тем самым нравственным силам, которые у Вебера связаны с образом Толстого и в отношении которых можно попытаться определить призвание и науки, и жизни отдельной личности.

Рассуждая о смысле науки, М. Вебер затрагивает множество конкретных особенностей научной деятельности и трудностей осуществления ученым своего призвания. Одной из таких трудностей является старение результатов, что делает ценность их весьма относительной. С тем фактом, что любое знание будет превзойдено, приходится мириться каждому ученому, ведь только так возможен прогресс знания, который, в сущности, уходит в бесконечность. Усилия ученого – лишь маленький шаг, и никогда нельзя сказать определенно, является ли он верным и состоится ли он вообще. Нужно быть готовым к тому, что эта научная, а шире, всякая творческая работа – рискованный путь, который может и не принести результатов. Сомнение неизбежно, но ему нужно противостоять, и, как призывал М. Вебер, «...нужно обратиться к своей работе и соответствовать “требованию дня” – как человеческое, так и профессиональное» [Вебер 1990, 735]. Здесь вспоминается, конечно, «Протестантская этика и дух капитализма». Ученый должен быть «увлечен» наукой, испытывать «упоение, странное и вызывающее улыбку у постороннего человека» [Вебер 1990, 708], как особую страсть и убежденность в своей миссии, веру в свою незаменимость в науке. Если этого нет в человеке, настоящего ученого из него не получится. И в связи с этим Вебер призывает каждого, кто занимается наукой, задать себе вопрос: обладаю ли я такой увлеченностью, такой страстью, такой верой?

Однако страсть, озарение, увлечение – только одна сторона научной деятельности, которая включает еще и упорный труд. В этом синтезе и рождается наука. Процесс этот таинственен, как и само спонтанное и внезапное озарение. М. Вебер приводит различные примеры спонтанности научной деятельности, упоминая, что лучшие идеи приходят на ум, когда, например, раскуриваешь сигару на диване, или во время прогулки по улице, или в другой ситуации, но, во всяком случае, тогда, когда их не ждешь. Но, конечно же, догадка не пришла бы в голову, если бы этому не предшествовали учение, терпение, труд и страстное вопрошание – элементы, свойственные творчеству. Условия научной деятельности, которые определил Лоренцо Валла, по своему проясняют единство труда и спонтанности в творчестве. Самым таинственным среди этих условий является «высвобожденность души», «душевный покой» (*animi vacuitas*), особая пустота, особая готовность к озарению, которое может случиться внезапно, но благодаря труду как приготовлению. Вебер неоднократно обращался к идее сходства творчества в науке и искусстве, отмечая роль вдохновения не только в этих сферах, но и в повседневной, практической жизни. Поэт в долгих поисках нужного слова, музыкант – нужной ноты, художник – верного штриха... Список можно продолжить. Психологический процесс творчества в разных областях совпадает. Но вряд ли совпадает его экзистенциальный смысл, приоткрывающий вопрос о призвании, поскольку в руках науки находится гораздо больший арсенал средств влияния на человека, общество, природу, и гораздо выше в связи с этим должна быть ответственность ученого за результаты деятельности. Здесь поиск ответа на вопрос о призвании соприкасается с вопросом о том, каковы призвание и ценность науки в жизни всего человечества? И не только найденный ответ, но и сам поиск служит своего рода регистром сознательности и нравственных принципов человека в науке.

В заключение отмечу, что проблема профессионального призвания всегда содержит элементы экзистенциального становления, связанные с личностным самоопределением, самоидентификацией, обретением в профессии ключевых смыслозначимых ценностей и жизненной миссии. Не только ученый как личность находится перед лицом «предельных» ценностей, но, как показал в докладе Вебер, и сама наука. Призвание быть ученым есть не только личностное призвание, призвание индивида, но и культурное самоопределение. В этой связи исследование экзистенциальной миссии ученого в «расколдованном» мире охватывает и проблему его профессионального становления, и изучение экзистенциального пространства самой науки как субъекта конструирования мира. Наука как призвание есть путь по направлению к большему осознанию мира. И ученый должен осуществлять профессиональную деятельность перед лицом последних, экзистенциальных вопросов, творческое и жизненное решение которых предъявил миру Л.Н. Толстой. Призвание науки неизбежно

соприкасается с ее высшим предназначением и служением благу человека и культуры, что всегда шире только лишь познавательного поиска. И хотя М. Вебер призывал к «свободе от ценностей», здесь с особой отчетливостью проявляется культурно-ценностное значение науки.

Источники – Primary Sources in Russian translation

Вебер 1990 – Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 707–735 [Weber, Max *Wissenschaft als Beruf* (Russian translation)].

Сведения об авторе

КАСАВИНА Надежда Александровна –
Доктор философских наук, доцент, ведущий
научный сотрудник Института философии
РАН, исследователь МРОО Русского общества
и истории и философии науки.

Author's information

KASAVINA Nadezhda A. –
DSc in Philosophy, associate professor, lead-
ing research fellow, Institute of Philosophy, Rus-
sian Academy of Sciences, researcher at Russian
Society for History and Philosophy of Science.